

индийской религиозной и культурной жизни и философской мысли. Собственно говоря, это панорама культурного контекста, в котором зарождался и формировался индуизм. Автор обрисовывает облики важнейших божеств и связанных с ними культов. Особенно поэтично представлена картина тантризма. На с. 261–264 содержится изящный анализ понятия «философия», в котором автор высказывает и свою точку зрения на предмет последней («философия – рассмотрение коренных вопросов бытия»). А.В. Пименов указывает на различия между философом, человеком религиозным и человеком искусства. Философ, полагает автор, пользуется доказательством как основным инструментом. Мне представляется, что доказательство можно скорее отнести к «арсеналу» ученого; философ же, в том числе и сам автор, скорее прибегает к помощи рассуждения.

Особо следует отметить вставную новеллу «Три цвета вечности», в которой автор обращается к этнопсихологическим особенностям восприятия цвета, к цветовой символике. Проникновение в глубины психологии романа Стендаля «Красное и черное» совершается не без помощи индийской философии, в частности концепции цветов трех *гун* – «состояний», «качеств бытия». Правда, само понятие гуна автор толкует как «волокно» (с. 278); более точным представляется слово «нить». Безусловно, это небольшая новелла привлечет внимание самого широкого круга литературоведов.

Часть 4 – «Философия дхармы» – знакомит читателя с мимансой – философским направлением (даршаной), малоизвестной даже для тех, кто знаком с индийской культурой. В отечественной индологии мимансе повезло значительно меньше, чем другим философским школам. Нередко ей отказывали в «философичности», рассматривая как прикладную дисциплину, связанную с ритуалом, лингвистическими теориями и правом. А.В. Пименов описывает историю и сущность мимансы, ее место в ряду других философских школ. Особое внимание автора обращено к личности крупнейшего мимансака Шабарасвамины и к спору о природе человека между представителями мимансы и буддистами. Кроме того, автор выдвигает по крайней мере три нетривиальных подхода к мимансе. Во-первых, он убедительно доказывает ее философский характер, раскрывая рожденный в ее недрах инструментарий философского дискурса. Во-вторых, высказывает гипотезу о чрезвычайно высокой роли мимансы в распространении брахманизма в неиндоевропейской среде Индии и в формировании индуизма вообще. В-третьих, А.В. Пименов предлагает рассматривать мимансу как «срединный путь» в брахманизме.

Несмотря на большую замкнутость и изначальную самостоятельность брахманизма, в нем было некое особое зерно, из которого выросла идея интегрирования – ритуального, философского, артистического. В индийской медицине – это «собрание» организма, в ритуале – «строение» жертвы и жертвователя, в искусстве – объединение мастера и его аудитории, собрание и обобщение их опыта (*садхараникарана*).

Книга А.В. Пименова «Возвращение к дхарме» представляется в этом смысле очень «индийской»: она наглядно показывает пути и способы, трудности и необходимость собрания, связывания, сочетания самого разнородного материала и образование на его основе такого сложного единства, как индийская культура.

С.И. Рыжакова

© 1999 г., ЭО, № 5

С.Н. Жемухов. *Мировоззрение Хан-Гирея*. Нальчик, 1997. 119 с.

Хан-Гирей – выдающийся деятель адыгской истории и культуры. Столь высокая оценка его жизни обусловлена той ролью, которую Хан-Гирей сыграл в сложнейших перипетиях истории Северо-Западного Кавказа первой половины XIX в., и тем местом, которое его историко-этнографическое сочинение «Записки о Черкесии» занимает в развитии исследовательской мысли того времени.

Впрочем, как писатель и исследователь быта родного народа Хан-Гирей стал известен сравнительно недавно, лишь после того, как в фондах РГВИА была обнаружена его рукопись, посвященная историческому прошлому черкесов и описанию их бытовых традиций. Публикация «Записок о Черкесии» ввела в широкий научный оборот ценнейший компендиум сведений и фактов по исторической этнографии адыгов, сделав очевидным, что это – одно из самых значительных произведений в кавказоведческой литературе XIX столетия.

«Записки...» стали не только важнейшим источником фактологического материала, но и объектом исследовательского анализа, в частности, в работах М.О. Косвена, В.К. Гарданова, Т.Х. Кумыкова,

Г.Х. Мамбетова, Р.Х. Хашхожевой и др. В их трудах представлен жизненный путь Хан-Гирея, раскрыта запутанная и во многом трагическая история создания «Записок о Черкесии». В ряде работ проанализированы литературно-художественные особенности «Записок...», их состав и возможные источники. Однако наибольшее внимание уделялось анализу источниковедческого значения труда Хан-Гирея и его места в адыгской историографии.

Книга С.Н. Жемухова продолжает эти исследовательские традиции, однако в то же время автор сосредоточивает свое внимание не на анализе произведений Хан-Гирея или их отдельных источниковедческих аспектах: главное в рассматриваемом исследовании – мировоззрение Султана Хан-Гирея как целостная система взглядов, отражающих личностные характеристики и особенности этого незаурядного человека, талантливого писателя, выдающегося политического деятеля Черкесии, создателя замечательного историко-этнографического труда.

Первую часть работы С.Н. Жемухов посвящает подробному изучению биографии Хан-Гирея. Собственно говоря, с фактологической точки зрения она изучена неплохо, так как пространные очерки жизни и деятельности автора «Записок о Черкесии» содержатся в большинстве предшествующих исследований. Однако С.Н. Жемухов свою задачу видит не в том, чтобы в очередной раз повествовать о жизни своего героя, в хронологической последовательности «нанизывая» общеизвестные сведения и факты о достаточно бурной жизни Хан-Гирея, а в том, чтобы проследить, как обстоятельства жизненного пути воздействовали на формирование мировоззрения Хан-Гирея, как адыгская действительность начала прошлого века детерминировала его социально-политические взгляды, что именно послужило стимулом для его интеллектуального и литературного творчества.

Нельзя не отметить новаторский характер формулирования исследовательской задачи именно в данном аспекте. Нельзя не видеть более «тонкий» и одновременно более глубокий исследовательский подход, выдержанный в рамках упомянутого выше познавательного контекста. Не менее важно и то, что поставленные перед собой задачи С.Н. Жемухов успешно решил. Воссоздание исторического портрета Хан-Гирея следует признать большой удачей автора, который представил не очередной событийный очерк «жизни и деятельности» своего героя, а нарисовал полную драматизма и внутреннего накала картину становления незаурядного ума одного из самых блестящих, если пользоваться терминологией сегодняшнего дня, политологов своего времени, замечательного этнографа, историка, литератора. Перед нами возникает не бесплотный дух героя, а живой человек – страстный и увлекающийся, демонстрирующий крайности не только в жизненных поступках и обстоятельствах, но и в своих интеллектуальных упражнениях. Автор искренне восхищается своим героем, благородными деяниями, силой ума, настойчивостью, смелостью. В то же время С.Н. Жемухов не идеализирует Хан-Гирея. Более того, в авторской интерпретации последний не всегда вызывает симпатию у читателя.

Нетрудно заметить, что это обстоятельство идет вразрез с несколько идеализированным образом Хан-Гирея, характерным для всей предшествующей литературы. Однако приходится признать, что позиция С.Н. Жемухова, основанная на объективном анализе фактов, более убедительна и дает возможность по-новому интерпретировать конкретные исторические события и роль в них Хан-Гирея.

В этом контексте интересен вопрос о причинах, побудивших Хан-Гирея приступить к написанию своего главного историко-этнографического труда. Автор скептически относится к утверждению В.К. Гарданова, что Хан-Гиреем двигали «патриотические чувства», и настаивает на более прагматических основаниях. По мнению С.Н. Жемухова, Хан-Гирей начал писать «Записки...» с целью показать Николаю I, как хорошо он (Хан-Гирей) знает Кавказ и механизмы, способные привести регион к умиротворению. В другом месте С.Н. Жемухов прямо говорит, что взгляды Хан-Гирея отражают позицию чиновника, предлагающего более эффективные методы завоевания адыгского народа.

Не отрицая полностью наличие подобных мотивов, все же укажем, что черты психологического статуса Хан-Гирея, определяемые, кстати, самим автором, делают правомерными и другие заключения. В частности, для нас несомненно желание Хан-Гирея донести до Николая I правду о народах Кавказа, показать царю, что горцы, и в частности адыги, – это не «дикари», не «хищники», не «бандиты, разбойники и грабители» (такие образы усиленно насаждала официальная пропаганда, оправдывавшая Кавказскую войну), а гордый, свободолюбивый народ, со своей древней историей и культурой, с собственным достойным укладом жизни и бытовыми обычаями, народ, который в ответ на мудрое правление и высочайшее благорасположение явит любовь и преданность монарху, вкушая плоды российского просвещения и пользуясь благами государственной цивилизации. Хан-Гирей видел, как много ошибок совершает российское правительство, не зная Кавказа, не имея даже элементарных понятий о внутренних основаниях местной

жизни. Представляя императору свой труд, Хан-Гирей искренне желал, чтобы власть преодолела это трагическое незнание. В то же время С.Н. Жемухов отмечает, что Хан-Гирей был российским политиком и именно это определяло концептуальный стержень его мировоззрения.

Проанализировав политические и социально-экономические взгляды Хан-Гирея, автор показал, что они были достаточно стройной и выверенной концепцией. В поле зрения Хан-Гирея оказались такие вопросы, как система власти в традиционном черкесском обществе, соотношение полномочий, сосредоточенных у трех социально-классовых группировок: аристократии, духовенства и свободного крестьянства, которое посредством сохранившихся патриархально-демократических институтов в виде народных собраний – хасэ – имело возможность оказывать определенное воздействие на принятие решений.

Интересен раздел, в котором автор, анализируя Хан-Гирея, выделяет сумму взглядов, складывающуюся в своеобразную теорию управления общественным сознанием. Хан-Гирей видел огромные политические возможности, предоставляемые умелым манипулированием массовыми настроениями, равно как и опасность для русского владычества на Кавказе, кроющуюся в имевших место попытках проводить антирусскую пропаганду, которая в условиях Кавказской войны была весьма успешной.

Что касается исследований Хан-Гирея в области внешнеполитических отношений Черкесии, в частности с Турцией, Крымским ханством, Россией и другими странами, то автор отмечает, что это был «не взгляд изнутри черкесского народа, а взгляд со стороны России» (с. 58).

Составной частью политико-социальных воззрений Хан-Гирея были, как бы мы сейчас сказали, практические рекомендации, которые он давал своему высокому адресату. С.Н. Жемухов прав, подчеркивая, что эти рекомендации Хан-Гирея преследовали цель укрепить российскую власть в Черкесии, наиболее полно и окончательно интегрировать адыгский народ в систему российского административного управления.

Рассматривая этнокультурные взгляды Хан-Гирея, С.Н. Жемухов показал, что, выступая бытописателем родного народа, Хан-Гирей оставался прежде всего политиком. В его руках почти не содержится описаний материальной культуры, но зато весьма подробно рассматриваются элементы духовной культуры, политические традиции адыгов, общественное сознание. В поле зрения автора попадают и философско-эстетические взгляды Хан-Гирея, которые тот рассматривал в контексте религиозных верований адыгов, соотношения традиционного политеизма с укреплявшим свои позиции исламом. С.Н. Жемухов отмечает, в частности, отсутствие у Хан-Гирея сколь-либо серьезных мировоззренческих высказываний о христианстве у черкесов. Представлен и анализ художественно-эстетических аспектов творчества замечательного мыслителя.

Высоко оценивая труд С.Н. Жемухова, мы все же вынуждены сделать некоторые дополнительные замечания. На наш взгляд, в ряде случаев автору следовало более весомо подкрепить конкретными ссылками позицию Хан-Гирея по тем или иным вопросам. Например, автор утверждает, что решение проблемы централизации власти в Черкесии Хан-Гирей видел в ее инкорпорации в состав Российской империи. Однако этот существенный момент политических взглядов Хан-Гирея утверждается лишь декларативно. В целом же работа С.Н. Жемухова, безусловно, являет собой значительный вклад в историко-этнографическое кавказоведение.

Ю.Д. Анчабадзе, Н.Д. Пчелинцева